Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4зр. 40кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвертр. 1 злр. 10 кр. на мѣсяцъ 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбираетъ ся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіянского.

ПИСЬМО ПОСВАЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 51 Львовъ, 15 Декемврія 1856. РОКЪ IX.

КОРОЛЕДВОРСКІЯ РУКОПИСЬ.

V. ЛЮДИША И ЛЮБОРЪ.

Зритъ Забой въ огни Славоя взоры,
И имаетъ дальше пѣньемъ сердца:
„Два сыны, которыхъ голосъ
Походитъ уже на мужескій,
Выходили въ лѣсъ далекій,
Къ молоту мечу и пѣцѣ
Пріучати свои руки.
Тамъ оружіе скрывали,
И въ домъ радостно вертали.
И когда взросли ихъ руки,
И когда взросли ихъ умы,
На врага взросли йхъ братя;
Ай тогда врага напали.
И якъ буря громомъ сѣкли;
Въ дѣдину вернула благость."—

Ай ту скочатъ всѣ въ долъ ко Забою,
И его въ объятьяхъ сильныхъ тиснутъ
И на грудь кладутъ Забоя руки
И розумно съ слова въ слово радятъ
Проходила ночь, сближалось утро,
Мужи выбѣгли съ долины грозно
Выбѣли помежь деревья, лѣсомъ,
И въ всѣ стороны розсыпалися.

И минулъ день и минулъ вторый день
А по третемъ якъ ся ночь затмила,
Ишелъ Забой въ лѣсъ, за Забоемъ сборы;
Ишелъ Славой въ лѣсъ, за Славоемъ сборы.
Съ нихъ имѣлъ всякъ вѣру къ воеводѣ,
Всякъ на короля упорне сердце,
Всякъ на короля оружье быстре.
„Гей Славою! на вершокъ тотъ синій!
Тотъ вершокъ глядитъ цо всѣхъ краинахъ,
Тамъ въ походѣ нашемъ всѣ смѣряймы!
Отъ вершка къ востоку єсть лѣсъ темный;
Тамъ си братскую подамы руку!
Тамъ ты пробирайся лисьимъ скокомъ,
Я туды пойду съ дружиной такожь."

„„Гой Забою брате! ажь съ вершины
Маемъ наше ружье испытати?
Отси на врага якъ буря спадемъ.""

„Ой Славою: хочешь гадь стоптати,
Наступи ей лобъ, а лобъ ей тамо!"
Розступилися по лѣсѣ мужи.

Розступились въ право и на лѣво;
Тутъ тягнули по Забоя слову,
Тамъ по слову прудкого Славоя,
Глубинами лѣса на вершину.

И когда ужь было пяте солнце,
Всѣ подали си пресильны руки,
И всѣ позирали лисьемъ зрѣньемъ
На дружины вражьи, королевски.

„Людекъ собираетъ свои вои,
И за разъ розбити нашихъ хочетъ.
Ой Людеку! такъ у короля ты
Только паробокъ надъ паробками!
Своему скажи окрутникови,
Что его велѣнье дымъ для нашихъ!"

Людекъ ся розлютитъ,
Громкимъ голосомъ сзываетъ вои.
Поднебесье было полне свѣтла:
Въ полномъ блеску отражалось солнце
Отъ доспѣховъ королевскихъ воевъ.
Всѣ на слово Людека готовы
И въ походъ и взятись за оружье.

„Гой Славою тамъ иди лисьимъ скокомъ,"
Я же имъ въ чело пойду на встрѣчу."

И шелъ въ предъ Забой, якъ буря съ градомъ,
И шелъ въ бокъ Славой, якъ буря съ градомъ.

„Брате! тѣ боговъ намъ сокрушили,
Тѣ деревья наши порубали,
И крагуевъ въ лѣсѣ сполошили.
Намъ дадутъ побѣду боги наши!"

Злобна прудкость Людекомъ бросила
Изъ числа враговъ противъ Забоя.
И Забой съ горючима очима
Спалъ на Людека. Якъ середъ лѣса
Дубъ ся мѣритъ съ дубомъ; такъ Забой съ палъ
Впростъ на Людека надо всѣ вои.

Людекъ въ щитъ мечемъ ударилъ,
Перетялъ въ щитѣ три кожи,
Гибкій Людекъ прочь отскочилъ;
Въ дерево попался молотъ:
И скотился дубъ на вои,
И пошло въ отцамъ ихъ тридсять.

Людекъ ся розлютитъ: „„Охъ ты звѣрю,
Ты уроде, гадино ѣдлива!
Стань мечемъ ся погибай со мною.""

И махнулъ Забой мечемъ,
Кусъ щита врагу отрѣзалъ.
Ужъ махнулъ мечемъ и Людекъ,
Мечь по скоряномъ щитѣ скользнулся.
Оба запалилися, ранятся:
Рянами себе совсѣмъ стесали,
И въ около сбрызгали все кровью,
И всѣ кровью брызгаются мужи.
Коло нихъ всюда въ прелютой сѣчи.

Солнце перешло полудне,
И ужь къ вечеру на полъ съ полудня;
Билися еще, не уступали,
Бились тутъ и бились отъ Славоя.

„Охъ ты вражe, бѣсъ въ тя!
Что ты пьешь кровь нашу?"

И Забой ухопилъ молотъ,
Прочь отскочилъ Людекъ,
И на ворога повергнулъ.
Молотъ полетѣлъ, и щитъ розсѣлся,
Грудь росскочилася Людекова,
И улякла ся душа обуха;
Молотъ выгонилъ прочь душу съ тѣли,
И пронесся на пять сажній въ войско.

Страхъ врагамъ изъ горла выперъ крики:
Радость съ устъ Забоя войновъ плыла,
И искрилась съ радостныхъ ихъ взоровъ.

„Братья! боги намъ побѣду дали!
Розступется въ ротахъ въ право въ лѣво;
Изо всѣхъ долинъ сводѣтъ тутъ кони,
Чтобы кони ржали по всемъ лѣсѣ."

„„Гой Забою, брате! львe удалый!""
Бій, охъ бій враговъ безъ перестанку!"

Щитъ Забой на землю отвергаетъ,
Въ руку мечь беретъ, въ другую молотъ,
Черезъ вороговъ себѣ путь стелитъ.
И враги взопѣли, розступились.
Трусъ съ побоища ихъ проганяетъ,
Страхъ ихъ горла крики выпераетъ.

Кони ржутъ по лѣсови по цѣломъ.
„Гей на кони конно за врагами!
Ручи кони, вы несѣтъ въ всѣ власти.
По пятамъ за ними нашу крутость!"

И на ручи кони роты скочатъ,
Скокъ на скокъ за ворогами гонятъ,
И удары на удары сыплютъ.
И минали горы, лѣсъ ровнины,
Вправо въ лѣво все назадъ бѣжало.

Дикій гукъ рѣки ся розлягаетъ,
Страшно за волной волна валится;
Такъ гучагъ и скокъ за скокомъ гонятъ
Чрезъ шумящую рѣку всѣ вои.
Воды множество чужихъ топили,
А на берегъ своихъ выносили.

И повсюду въ ширъ и въ ширъ въ краинахъ
Ястрѣбъ лютый розпинаетъ крыла,
И за пташками летаетъ быстро.
Забоевы войны въ ширъ ся розогнали,
Всюда въ властяхъ за врагами гнали,
Всюда ихъ разили и топтали.
Ночью при лунѣ за ними гнали
Въ день, когда свѣтило ясне солнце,
И опять гонили темной ночью,

И по ночи сновъ въ сѣдое утро.
Дикій гукъ рѣки ся розлягаетъ,
Страшно за волной волна валится;
Такъ гучатъ и скокъ за скокомъ гонятъ
Чрезъ шумящую рѣку всѣ вои.
Воды множество чужихъ топили,
А на берегъ своихъ выносили.

,,Тамъ где тѣ сѣдыи горы,
Тамъ утихнетъ наше мщенье''

,,,Гой Забою брате!
До горы намъ не далеко,
А враговъ уже лишь горстка,
И та жалостливо проситъ.''“

,,Ты туда иди, яжь сюда иду,
Выгубимъ всѣхъ королевскихъ

Вѣтеръ буритъ через власти,
Войска бурятъ через власти,
Черезъ власти въ право въ лѣво,
Всюда тягнутъ сильны войска,
Всюда радостныи крики.

,,Брате, вотъ вершина сѣра!
Тамъ побѣду боги дали!
Тамъ и много душь лѣтаетъ,
Тамъ и сямъ по всѣхъ деревяхъ.
Ихъ боится звѣръ и пташка,
Только совы не боятся.
Тамъ идемъ погребати мертвыхъ,
И боговъ кормити нашихъ;
Тамъ идемъ богамъ спасенья,
Приносити многи жертвы,
Приносити честь и славу,
И враговъ побитыхъ ружье!

ЗАПОРОЖСКІИ ЧЕРКАСЫ

Такое названіе имѣли въ старинѹ обитатели Запорожья, приличное имъ, якъ нельзя больше по причинѣ сходства ихъ въ своевольной жизни съ горскими Черкасами, живѹщими и до нынѣ въ горахъ Кавказскихъ. Оно въ послѣдствіи замѣненно словами: Запорожцы, запорожскіи козаки и низовое запорожское войско. Исторія Запорожцевъ очень любопытна. Начало Запорожцевъ относятъ къ исходѹ XV вѣка. Первое поселеніе ихъ составляли одни Рѹсскіи, оудалившіи ся отъ отчизны своей, сосѣдственной съ Полаками, въ Запорожье, отъ притѣсненій послѣднихъ. Въ скорѣ число ихъ оумножилось разными пришелцами, которыхъ они принимали безъ разбора изъ всякой стороны и народа, лишь бы приходящіи къ нимъ исповѣдывали или приняли православнѹю вѣрѹ, и знали бы оуже или въ передъ оусвоили себѣ рѹсскій языкъ. Далѣе роздѣлились они на холостыхъ и женатыхъ: одни розсѣялисъ, по днѣпровскимъ плавнямъ и островамъ, дрѹгіи поселились на Самарѣ и междѹ Днѣпромъ а Бѹгомъ. Безженныи запорожцы питая дѹхъ братства независимости, вели жизнь своевольнѹю и были оудалимы наѣздниками и морехадцами. Они якъ бѹдь то потвердили почти въ томъ же самомъ краю загадочне сѹществованіе безмѹжныхъ женъ — Амазонокъ. Но природа наконець и здѣсь взяла верхъ. Нѣкоторыи изъ Запорожцевъ добыли себѣ женъ, ходъ въ Сѣчѹ былъ имъ вовсе запрещенъ и покѹшавшіи тѹда проникнѹти въ мѹжескомъ платѣ, дорого иногда платили за свою отвагѹ; то они держали ихъ поблизости Сѣчи и рожденныхъ ими сыновей брали къ себѣ, а дѣвочекъ оставляли матерямъ: По свидѣтельствѹ Страбона такимже образомъ постѹпали и Амазонки съ своими дѣтьми — но на оборотъ. Время изгладившее слѣды Амазонокъ обратитъ можетъ когда нибѹдь и безженныхъ Запорожцевъ къ сѹщества баснословны. Въ 1775 годѹ кончилось сѹществованіе Запорожцевъ и ихъ Сѣчи навлекшей на себе справедливое негодованіе

Екатерины II. Они покорены Генералъ Поручникомъ Текеліемъ, безъ всѧкого со стороны ихъ сопротивленіѧ. По приблизительному счету, до ста тысѧчъ жителей обоего пола вошло въ составъ Новой Россіи и Запорожскихъ воискъ и селеніи, а изъ имущества старшинъ сѣчи доставшого сѧ казнѣ, составилсѧ капиталъ въ сто двадцать тысѧчъ рублей.

Мамаевъ Сарай

Нынѣ мѣсто на рѣчцѣ Мамай Сурцѣ въ Екатеринославской губерніи, Ниже его близъ большаго селеніѧ Знаменки на лѣвомъ берегу по теченію Днѣпра есть еще одна гора, которую называютъ Мамаевой сопкою, напоминающею о томъ Мамаѣ, которого нѣкогда русскіи такъ хорошо угостили на Куликовомъ полѣ, и которого урокомъ долженъ бы возползоватисѧ затѣвавшіи битву на бородинскомъ полѣ. Другое времѧ и другіи средства; но цѣль и послѣдствіѧ въ томъ и другомъ случаѣ были почти одинаковы. Первый бѣжалъ со стыдомъ и погибъ въ Кафѣ, другіи кончилъ жизнь въ изгнаніи на скалѣ атлантического океана.

Молочныя воды.

Упомѧнуты и прежде въ описаніи муравской дороги, есть ничтожнаѧ, но можно сказати единственнаѧ рѣчка на своей обширной днѣпровской степи, между западнымъ берегомъ азовского морѧ и восточнымъ Днѣпра, гдѣ живутъ Ногайцы и поселены такъ называемы духоборцы Сестренцевичъ (въ Исторіи о Тавріи) и графъ Потоцкій (histoire primitive des peuples de la Bussie) полагаютъ, что есть то рѣка Геро древнихъ грековъ, высохшаѧ и почти уничтожившаѧ, подобно Гипакарису и Пантикапѣ. Первый утверждаетъ что и до нынѣ замѣтны слѣды прежнаго ей русла. Предметъ, подлежащіи дальшему изслѣдованію археологовъ.

ВОЛОТОВА МОГИЛА

Должна она быти въ Лебеданьскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи Волотово, встрѣчающеесѧ иногда въ старинныхъ нашихъ преданіѧхъ: Волотовымъ н. пр. называлось въ Новогородѣ то урочище, гдѣ будьтобы похоронили Гостомысла. Тамъ была церковь прев. Богородицы на Волотовѣ. Подъ именемъ Волотовъ извѣстны были великаны. (И. Г. Р. I. пр. 210) Не такому ли же выродку принадлежитъ и Волотова Могила? Въ концѣ книги „Большой Чертежъ" упоминаетсѧ о Болитовомъ городищѣ, находѧщемсѧ и близъ рѣки Печени, впадающей въ сѣверной Океанъ, на границахъ Лапландіи.

БОЛЬШІИ И МАЛЫЙ НОГАИ

Большіи Ногаи кочевали на восточной сторонѣ каспѣйского и аральского морѧ, вѣроѧтно по Урали и Илеку, а малыи на тойже сторонѣ черного и азовского морѧ, по Кубань и Маничѣ. Въ царствованіе Бориса Годунова находимъ уже ихъ раздѣленными на три улуса: первый Волжскіи или Уралскіи состоѧвшіи подъ зависимостію двухъ враждебныхъ между собою князей Иштерека и Іанараслана кочивалъ по Тереку, Кумѣ и Волзѣ около Царицына, былъ вѣрнымъ Россіи; вторый Казневъ Улусъ, отдѣлившіи сѧ отъ перваго со своимъ князьмъ Борангазыемъ, держалсѧ близъ Азока и зависѣлъ отъ Турковъ и Крымцевъ, третій име-

новавшій ся альтаульскимъ, занималъ степи въ окрестностяхъ аральскаго моря, и былъ въ тѣсной связи съ Бухаріею и Хивою. Царь Борисъ утвердивъ Иштерека старѣйшимъ ногайскимъ княземъ, предложилъ ему, перезвати къ себѣ казыевъ улусъ, или овладѣти имъ, равно склонити мурзъ и алтаульскаго улуса къ подданству Россіи. Иштерекъ, съ помощію донскихъ козаковъ исполнилъ якъ нельзя точнѣе, условіе относительно Ногаевъ Казыева улуса, доведя ихъ своими притѣсненіями до самой крайности; участь же послѣднихъ неизвѣстна. По крайней мѣрѣ теперь не видимъ уже Ногаевъ на мѣстахъ, ими занимаемыхъ и вообще въ Киргизъ — Кайсайскихъ степахъ; но остаются еще многіи долговременного ихъ тамъ пребыванія. Въ особенности замѣчательны розвалины разныхъ сооруженій сколько красивыхъ, столькоже и прочныхъ. Таковы суть по обоимъ берегамъ рѣки Нуры впадающей въ озеро Кагальджинъ. Тамъ развалины находящіи ся въ 27 в. отъ уста Нуры на лѣвой ея сторонѣ и принадлежавшіи якому то городу Татагаю, занимаютъ около 10. в. гдѣ между прочимъ есть одно зданіе до нынѣ въ цѣлости сохранившее ся, и якъ можно полагати по его устройству, составлявшее не мечеть татарскую а скорѣе Ламайскую кумирню. Оно построенно изъ обоженного кирпича и представляетъ снаружи и изнутри правильный четвероугольникъ окончивающійся куполомъ. (Сибир. Вѣст. 1818 г. Ч III. стр. 89 — 93, рус. XV) оставающая ся невредимою алабастровая штукатурка стѣнъ и самы сосновы бруся, проложены вмѣсто связи вокругъ стѣнъ на два аршина отъ основанія, съ высѣченными на нихъ якимъ то знаками, въ родѣ письменъ, доказываютъ, что тое зданіе не очень давно запустѣло. Киргизы сооруженіе его, и всѣхъ прочихъ въ томъ краю еще несовершенно разрушенныхъ зданій приписываютъ Ногайцамъ, можетъ быти частію переселившимся въ Бухару, Хиву, и къ своимъ единоплеменникамъ нынѣ въ Россіи обитающимъ. Теперь большая часть Ногайцевъ сосредоточенна на сѣверозападной сторонѣ азовскаго моря Таврической губ. въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, гдѣ считается ихъ свыше 15,000 душъ. Впрочемъ тотъ бродячій народъ, во время прежнихъ своихъ странствованій, вездѣ оставлялъ за собою либо по нѣсколько семей, либо цѣлы поселенія, такъ что можно найти малы отрасли его на рѣкахъ Волзѣ близь Астрахана, на Кумѣ, Калаусы Маничѣ, между Кавказцами на Дону, въ Бессарабіи, Крыму и за Дунаемъ

Пѣгая орда.

Въ первый разъ встрѣчается тое загадочное имя въ наказѣ данномъ въ 1594 г. воеводѣ, отправленному изъ Москвы для построенія г. Тары (Описаніе Сибирскаго царства и проч. Миллера Спб. 1787 г. стр. 216) потомъ повторается оно въ многихъ царскихъ грамотахъ и сношеніяхъ воеводъ, съ присвоеніемъ его нѣкоторому народу остяцкого племени, обитавшему въ окрестностяхъ Нерыма; тотъ городъ названъ пѣгою ордою, и въ одной рукописи Пѣгина ордою. Тщетно старались розгадати, что тое за орда, всѣ писавшіи о ней. Самъ остроумный Леркергъ въ служеніи о ней неизбѣжалъ общихъ погрѣшностей. Онъ полагалъ, что пѣгою ордою называлася татарскій городъ Аллацинъ т. е. Алакцинъ) упоминаемый

Абульгазомъ ханомъ въ его „Родословной Исторіи" котораго жители будьтобы розводили отъ ихъ большаго роста пѣгихъ лошадей, и которое есть ничто иное якъ пѣгая орда т. е. нынѣшній Нарымъ. Неосновательность того мнѣнія доказывается оуже тѣмъ, что Нарымъ по мѣстоположенію своему во все неудобенъ къ розведенію не только исключительно пѣгихъ, но якой бы ни было шерсти лошадей въ замѣнъ ихъ оупотребляются тамъ собаки и частію олени. Еще менѣе заслуживаетъ вѣроятія старинная сказка, что подъ именемъ пѣгой орды разумѣлись пѣгіи или пестрыи люди, хотя Татищевъ вѣритъ ей и говоритъ (Ист. Р. стр. 315 что тіи люди отъ того пестрыи названы, что на головѣ волосы и по тѣлу имѣютъ отъ природы бѣлы пятна, яковыхъ я самъ нѣсколько видѣлъ." Но заключеніе изъ свойствъ нѣсколькихъ человѣковъ о цѣломъ народѣ напоминаетъ о томъ путешественницѣ который оувидѣвъ въ одномъ городѣ рыжую женщину, написалъ, что въ томъ городѣ всѣ женщины рыжіи. Въ бытность. Г. И. Спасского въ Нарымѣ и сѣверье его по рѣцѣ Оби, Васюгану, Тыму въ самыхъ остяцкихъ жилищахъ, онъ ничего подобного незамѣтилъ, но нашелъ что большая часть Остяковъ похожи на Финовъ, якъ родны ихъ брата. Попадаются между ними и монгольскіи физогноміи, даже что оудивительнѣйшее всего, иногда съ сѣрыми очима и русыми на головѣ волосами При неудовлетворительности сдѣланныхъ доселѣ объясненій пѣгой орды, осмѣливается г. Спасскій предложити о ней собственную свою догадку. Слово „пѣгая" не есть ли измѣненіе якого нибудь остяцкого князя правившаго нѣсколькими волостями, названными здѣсь „ордою" яковъ былъ князь Певгей, который въ грамотѣ царя Іоанна Васильевича 1557 г. именуется первымъ княземъ Сырокацкой земли, и повелѣно ему по сборѣ всей дани и зъ Сырокацкой земли: „да съ тоюбъ есте данью князь Певгей былъ къ намъ къ Москвѣ, или бы есте прислалъ къ Москвѣ съ нашею данью брата своего, или племянника, да земскихъ людей человѣка два, или три лучшихъ людей." Оупоминаемая здѣсь Сырокацкая земля и Соркордо, по мнѣнію Лергберга не могутъ означати нечего другого, кромѣ Сургута и сургутской области смежной съ Нарымомъ, и даже въ то время, можетъ быти заключавшей его къ своихъ предѣлахъ. Изъ всего того слѣдуетъ что Певгея орда по простонародному рускому обычаю измѣняти чужеземны слова на свой ладъ, легко могла быти названа Пѣгою ордою. Отсюда понятно будетъ также наименованіе Синей орды, Ногайской Орды и т. д.

Нарымъ.

Нынѣ задержавный городъ губ. Томской и оуѣзда лежитъ на правомъ берегу Оби при оустахъ рѣки Кети и рѣчки Нарымки. Названіе его произошло отъ мѣста первоначально имъ занимаемого, которое было ниже по Оби и окружалось болотами извѣстными оу Остяковъ подъ именемъ „неримъ." Основаніе того города относится къ 1596 г. когда онъ сдѣланъ былъ Острогомъ. Послѣ бывшаго въ 1913 г. наводеніи онъ перенесенъ на другое мѣсто, а послѣ пожара случившагося въ 1632 г. на третье за 15 верстъ отъ второго. Нынѣ занимаемое имъ мѣсто хотя довольно высокое также неизъятно отъ неудобствъ:

оно затопляется по веснамъ водою а терпитъ отъ подмытія береговъ такъ что положеніе его годъ отъ года становится хуже. Въ немъ одна каменная церковь и двѣ деревянны. Жителей до 300 душъ и до 170 домовъ. Торговля пушнымъ товаромъ и рыболовство составляютъ главную ихъ промышленность. Отъ избытка въ рыбѣ, цѣны на нею столь низки суть тамъ, что пудъ лучшихъ стерлядей стоялъ меньше двухъ рублей на ассигнаціи. Бобровый промыселъ въ тамошнемъ краю также не маловаженъ; бѣлокъ множество, изрѣдка встрѣчаются черны изъ бѣлыми патнами, называемы князками; суть и соболи но низкой доброты, которыхъ только хвосты оуказаются въ торговлѣ.

(Надослано)

Получилисьмо наконецъ долго выжидаемый

МѢСАЦОСЛОВЪ
ПЕРЕМЫШЛЯНИНЪ
НА ГОДЪ 1857.

И истинно должны мы признати, что онъ есть достойный наслѣдникъ своихъ предшественниковъ. Форматъ соотвѣтный, изданіе красивое. Что касается внутренняго содержанія надлежитъ признательность отдати Г—ну Якову Величку за старанно составленную астрологическую часть Мѣсяцослова, якъ и прибавленыи изъ типикона наставленія во всѣ недѣли и праздники отправляемого богослуженія. Всего важнѣйшая есть помѣщена на концѣ: Короткая вѣдомость историческая о Епископахъ Русскихъ въ Перемышли. Статья тая есть продолженіе и конецъ въ 1854 году недоконченного историческаго разсужденія о Епископахъ Русскихъ Перемышльскихъ, для того каждый, кто имѣетъ давнѣйшіи рочники Перемышлянина, во которыхъ находится начало той статьи, купитъ безъ сомнѣнія и Перемышлянина на годъ 1857. Впрочемъ статья тая столь многоважна, что всякій, кто купитъ не пожалѣетъ 25 кр. КМ. Препоручаемъ про тое всякому народолюбивому Русину купити Перемышлянина самой той статьи ради хотя бы уже купилъ Львовскій Мѣсяцесловъ или якій нибудь другій. Чтобы наочно переконати Почт. читателей приводимъ тутъ Введеніе до реченой статьи, выписывая оно нѣсколько сокращено (стр. 89.)

> Volumus et nos pacem, sed pacem Christi, pacem veram, pacem sine inimicitiis, pacem, in qua non sit bellum involutum, pacem, qae non ut adversarios subjiciat, sed ut amicos jungat.
>
> Hieron. epist. ad Theophil. contra errores Joh. Hierosol.

ДОСТОПОЧТЕННЫ ГГ. ЧИТАТЕЛИ!

Съ днемъ нынѣшнимъ Обрѣзанія Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, начинаемъ новый 1857 годъ. Будетъ то десятый рокъ существованія Зори Галицкой. Не есть тутъ мѣстце для насъ расписыватися надъ судьбою, якую временопись тая, розсмотрѣвшися надъ состояніемъ еи, черезъ всѣ девять роки перетревала. Свѣдома она есть всѣмъ, что то занимаются отъ сердца являющимися признаками народной жизни нашей. Не много недоставало къ ей упадку. Будьтобы самымъ призволеніемъ Божимъ, освободившись отъ залегающей

ею погибели, нашла она невеличку дуже скудную горсточку благожелающихъ родимцевъ, которымъ при началѣ сего нового року, мы отъ сердца засылаемъ нашее благодареніе, желаючи имъ благоденствія и многія лѣта. Но если уплывшаго для насъ года, такъ слабое участіе отъ стороны публики нашей для той то временописи явилось, то заходитъ вопросъ, якіи суть тому причины? Розсудивши точно доходившіи насъ письма минувшаго года мы приняли во вниманіе, что тіи причины происходятъ якъ отъ жалобъ относящихся до 1855 года, такъ и отъ неудовольствія поокремыхъ лицъ, что до вида и содержанія самой временописи. Послѣднее тое обстоятельство можно такъ сказати дѣлалось майже всеобщимъ непотѣшнымъ для насъ зломъ, прилегающимъ жалькою безнадѣйностью духа нашего. Немножко очень имѣли мы читателей, а якъ различны, несогласны по цѣли и стремленію доходили насъ мнѣнія и желанія! Мы присвѣдченны есьмы о томъ, что сколько головъ столько и мнѣній, что треніе различныхъ мнѣній между собою, производитъ выше упознаніе, чистой неоскорбленной, сіятельной истинны; но когда мнѣнія творятся односторонными, безвзглядными, самостоятельными: могутли они яко такіи возбудити въ человѣцѣ здоровомыслящимъ непоколибимую совѣсть присвѣдченія? могутъ ли убѣдити они всѣхъ, что лишь тою, а не иною путею мы доспѣемъ вознамѣрываемой цѣли? — Не есть то обовязанностію якой нибудь временописи, накидати читателямъ своимъ якіись тамъ несходныи мнѣнія и стремленія. Истинна временопись должна яко зеркало изображати духовную жизнь того народа, якому принаележитъ Стремленіемъ ей будетъ совокупити всѣ поодинокіи мнѣнія, всѣ силы духа и сердца къ одной великой цѣли — къ цѣли народного духовного просвѣщенія къ утворенію правильной литературной жизны. Но къ утворенію такой временописи нужны суть даровиты, загальнообразованны, точно Задачь свою понимающіи писатели, обзнакомленны не только съ собственнымъ живиломъ народности своей, но и съ иными. Невозможно намъ протое въ одинъ мигъ имѣти такихъ писателей, такіи временописи. Родимцы! пишучи дя васъ матернымъ языкомъ по силамъ и возможности мы каждое желаніе, каждое мнѣніе ваше удостоимъ всеобщаго вниманія, только благоволѣтъ въ справѣ розвоя словесности нашей безъ личныхъ предубѣжденій самолюбныхъ вознамѣреній, изъяснити мысли и желанія вашіи. Надѣючись, что старанностію вашею Зоря Галицка возможетъ засіяти яснѣйшими, чистѣйшими и теплѣйшимы лучами, мы приключимъ къ послѣднему числу приглашеніе къ предплатѣ съ точною, неотмѣнною програмою, такъ что до будущаго вида якъ содержанія временописи нашей на годъ слѣдующій.

Стараніемъ же нашимъ будетъ преди всемъ намѣщати повѣсты, стихи, опысиванія, розправы такъ историческіи якъ инородны, въ якнайпоятнѣйшимъ найзанимательнѣйшимъ видѣ. При томъ извѣщаемъ достоп. читателямъ, что издаватель Зори Галицкой, рѣшился возбужденія ради большого соучастія для единой той во Львовѣ издевамой временописи русской, пожертвовати съ охотою отъ каждой полученной нимъ предплаты 20 кр. ср на домъ народный и вторую городскую цер.

Тvпомъ Института Ставропигіанского Редакторъ Николай Савчиньскій